

Генезис института недопустимых доказательств в современной России.

Научный руководитель – Арутюнян Анна Аветиковна

Бондаренко Александр Александрович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: aleksbondarenko2012@yandex.ru

Бондаренко Александр Александрович

Студент

Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова, юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: aleksbondarenko2012@yandex.ru

Институт недопустимых доказательств широко исследовался на доктринальном уровне ещё дореволюционными процессуалистами, такими как Л.Н. Владимиров и А.Ф.Кони. В советский и постсоветский периоды институт получил особое внимание: он изучался такими учёными, как Н.С. Строгович, С.А. Пашин, Л.Н.Головко, Л.В. Брусницын. Нормативное оформление правил допустимости доказательств в комплекс правовых норм прошло длинный эволюционный путь, который можно проследить от «Декларации прав и свобод человека и гражданина», принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 года, Постановления Пленума Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 "О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия" до Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)».

В 1995 -1999 гг. институт недопустимых доказательств активно применялся для защиты процессуальных прав граждан от произвола в действиях должностных лиц. Пункт 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» обращал внимание судов на следующее: «... при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона (части 2 статьи 50 Конституции Российской Федерации), а также выполнения требований статьи 75 УПК РФ, в силу которой доказательства, полученные с нарушением уголовно-процессуального законодательства, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения». Кроме того, он закрепил три основных критерия оценки допустимости доказательств: «... доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией Российской Федерации права человека и гражданина или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами».

В настоящее время судьи все чаще стали исключать в основном те недопустимые доказательства, которые не влияют на прочность позиции обвинения и их удаление потенциально не приводит к вынесению оправдательного приговора. В последние годы судьями

часто применялась формулировка «несущественное нарушение», если требовалась аргументация для отказа: «Ходатайство об исключении доказательства не подлежит удовлетворению, поскольку допущенные нарушения не явились существенными». Однако данная формулировка прямо противоречит части 2 статьи 50 Конституции РФ, согласно которой при осуществлении правосудия недопустимо использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Аналогично подобная формулировка вступает в противоречие с положениям части 1 статьи 75 УПК РФ о том, что доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. В Конституции РФ и Уголовно-процессуальном Кодексе РФ отсутствует норма о существенности нарушения уголовно-процессуального закона как атрибутивном условии признания доказательств недопустимыми.

Между тем, в Постановлении Пленума ВС РФ от 19.12.2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» указывается, что: «Доказательства признаются недопустимыми, в частности, если были допущены существенные нарушения установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами».

Можно сказать, что Пленум ВС РФ отошел от формулировки, данной им же в 1995 г., в которой расценивал доказательства, полученные с нарушением уголовно-процессуального законодательства, как не имеющие юридической силы без каких-либо оговорок. Таким образом, Пленум ВС РФ дал свою новую трактовку применения статьи 50 Конституции РФ и статьи 75 УПК РФ, где содержится несколько иное определение понятия недопустимых доказательств.

ФПА РФ в отзыве на проект Постановление Пленума ВС РФ № 51 возражала против такого определения понятия недопустимых доказательств. В Федеральной палате адвокатов РФ в частности отмечали, что п. 14 проекта Постановления является ограничительным толкованием существующих норм Конституции РФ и УПК РФ. В части 1 статьи 389.17 УПК РФ содержится определение существенных нарушений уголовно-процессуального закона, но надо отметить, что они определены как основания для отмены или изменения судебного решения. В целях признания доказательств не имеющими юридической силы часть 1 статьи 389.17 УПК РФ определение существенных нарушений не содержит. Отсутствует единообразная оценка существенности часто встречаемых нарушений: подлежат ли исключению из доказательств протоколы обысков, в ходе которых изъяты запрещенные вещества, если обыски были проведены оперативными сотрудниками без письменного поручения следователя; или протокол осмотра места происшествия составлен без разъяснения прав понятым или, например, протокол подписан не следователем.

Таким образом, глобальная проблема заключается в том, что Пленум ВС РФ не дал конкретных критериев ограничения существенного нарушения от обычного нарушения.

Источники и литература

- 1) Божьев В.П. Существенные нарушения норм УПК // Законность. 2009. №1. С. 3–9.

- 2) Дикарев И.С. Понятие «фундаментальное нарушение» в уголовном процессе // Рос. судья. 2009. №8. С. 51.
- 3) Головки Л.В. Конституционализация российского уголовного процесса: между лозунгами и реальностью // Государство и право. 2013. № 12. С. 83 – 94.
- 4) Илютченко Н.В. Авторитет судебной практики в уголовном процессе // Закон. — 2018. — № 3. — С. 106–116.
- 5) Михеенкова М.А. Некоторые аспекты влияния Европейского суда по правам человека на развитие российского доказательственного права // Судья. — 2017. — № 2. — С. 39–44.
- 6) Михеенкова М.А. Доказательства и доказывание: позиции высших судов РФ и ЕСПЧ // Уголовный процесс. — 2014. — № 3. — С. 24–35.